

Ившин Леонид Михайлович,
*научный сотрудник Удмуртского
 ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН
 ivleo.75@mail.ru*

**Об оформлении сложных слов в памятниках
 ранней удмуртской письменности
 (на примере первой грамматики удмуртского языка)**

Аннотация. В статье рассмотрены сложные слова в одном из памятников ранней удмуртской письменности – первой грамматике удмуртского языка. Исследование показывает, что рассматриваемые сложные образования не имеют унифицированного оформления, хотя многие зафиксированные в грамматике сложные слова сохранили свое написание в современной орфографии удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, письменный памятник, орфография, грамматика, сложное слово, слитное написание, дефис, раздельное оформление.

Leonid M. Ivshin,
*Research scientist of Udmurt Institute
 of History, Language and Literature,
 Ural Branch of the RAS
 ivleo.75@mail.ru*

**On the design of complex words in the monuments
 of early Udmurt writing
 (on the example of the first grammar of the Udmurt language)**

Summary. The article deals with complex words in one of the monuments of the early Udmurt writing - the first grammar of the Udmurt language. The study shows that the complex formations in question do not have a unified design, although many complex words recorded in the grammar have retained their spelling in the modern orthography of the Udmurt language.

Key words: Udmurt language, written monument, spelling, grammar, compound word, fluent writing, hyphen, separate design.

Орфография (греч. orthographia, от orthos ‘правильный’, grapho ‘пишу’) – система общепринятых правил, регулирующих одинаковое, нормативное написание слов и морфем. Орфография включает правила передачи буквами фонемного состава слова, правила о слитном, раздельном и дефисном написаниях, об употреблении прописных и строчных букв, о переносе слов и графических сокращениях (Стариченок 2008: 398).

Некоторые вопросы правописания в ранних письменных памятниках удмуртского языка были фрагментарно освещены в работах языковедов: В. И. Алатырева (1956: 58–62), А. С. Бабинцева (1937: 3–4), В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова (1992: 114–119), В. К. Кельмакова (1984: 18–24) Г. И. Лаврентьева (1971: 50–53) и др. Но надо сказать, что исследователи большее внимание обращали на графические и отчасти фонетические и лексические особенности того или иного памятника письменности, чем на орфографические. Некоторые нюансы правописания в ранних письменных памятниках удмуртского языка нашли отражение в монографии «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» (Ившин 2010). В ней были отмечены правила передачи фонемного состава удмуртских слов, единообразия в написании отдельных падежных морфем, принципы передачи мягких и твёрдых согласных, последовательность дефисного, раздельного или слитного начертания слов с притяжательными и падежными суффиксами, послелогоми и т. д. Однако вопрос о правописании сложных слов в первой грамматике (Сочинения 1775) ещё не получил достаточного освещения. В данной работе мы хотели бы уделить внимание оформлению некоторых сложных слов в грамматике под названием «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка».

Орфография (а точнее, элементы удмуртской орфографии)¹, за-

¹ Некоторые исследователи сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Например, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева (1965: 26), исследуя древние немецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдём в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца». Это значит, что орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Правил для правописания не было и в раннеудмуртских памятниках, но была определённая система написания слов и некоторых морфем, а значит, имелись несформулированные элементы орфографии.

ложенная в первых стихотворениях, написанных кириллической графикой, была, можно сказать, «утверждена» в книге «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» (Сочинения 1775). В ней орфографические правила не были сформулированы, но были предложены образцы написания слов (в том числе сложных) и отдельных морфем. Это начертание сохраняется и в последующих изданиях или рукописных работах на удмуртском языке вплоть до середины (даже до конца 60-х гг.) XIX века. Из первой грамматики удмуртского языка нами было рассмотрено около 150 сложных слов, образованных путем механического сочетания двух основ. В их написании единообразия не просматривается.

1. В словах, обозначающих, названия деревьев или кустарников, компонент пу в одних случаях пишется слитно, например: *письпу* [*pispu*] ‘древо’ (Сочинения 1775: 24) (далее в статье номера страниц приводятся без указания источника), *сирпу* [*s'irpu*] ‘вязь’, *пашьпу* [*pašpu*] ‘орѣшникъ’, *батьпу* [*bad'pu*] ‘ива’, *лемпу* [*l'цтпу ~ l'етпу*] ‘черемуховое древо’, *палезьпу* [*palez'pu*] ‘рябина’ (25) и т. д., в других – раздельно: *гуземь пу* [*guzem pu*] ‘жимолость’, *улмо пу* [*ulmo pu*] ‘яблонь’, *шу пу* [*šu pu*] ‘калиновое древо’ (25).

На первый взгляд, вроде бы, слитно написаны сложные слова, первый компонент из которых не имеет прозрачного значения: *сирпу*, *пашпу*. Однако здесь же, *гуземь пу* оформлено раздельно, хотя значение первого слова неясно.

2. Неупорядоченное написание имеют сложные слова со вторым компонентом *ни*: *ширьпи* [*š2rpi*] ‘мышонокъ’ (26), *курекьпи* [*kurekpi*] ‘цыплёнокъ’ (28), *куцяпи* [*kikapi*] ‘щенокъ’, но здесь же *ишь ни* [*2ž pi*] ‘ягнёнокъ’, *парсь ни* [*pars' pi*] ‘поросёнокъ’ (29).

3. Сложные слова, обозначающие названия грибов, растений (овощей), также одни пишутся слитно: *зюцьгуби* [*ÿikgubi*] ‘грибъ’ (21), другие – раздельно: *гортъ кушманъ* [*gord kušman*] ‘свёкла’, *цюжсь кушманъ* [*kiž kušman*] ‘морковь’, *немьць кежи* [*n'em2k kuzž2*] ‘бобъ’, *ягь мули* [*jağ tul'2*] ‘брусника’ (23), *пэсь турунь* [*puçs' turun*] ‘перець’ (24).

4. Сложные слова, обозначающие части человеческого тела, также не имеют единого оформления. Некоторые из них пишутся:

а) слитно: *пельдынь* [*pel'd2n'*] ‘високъ’, *синдоръ* [*s'indor*] ‘бровь, ресница’, *синьнуны* [*s'inpin2*] ‘озорочко’, *имдоръ* [*2mdor*] ‘губа’ (18), *пельпумъ* [*pel'pim*] ‘плечо’, *гырьпумъ* [*g2rpmim*] ‘локоть’ (19), *пыдтышь*

[*p2tt2s*] ‘пята’ (20);

б) через дефис: *iïpъ-сeръ* [*j2r-s'çr*] ‘затылокъ’, *синь-кeли* [*s'in-kl'2*] ‘яблочко’, *синь-тоди* [*s'in-tud'2*] ‘бълокъ’, *iïpъ-вимъ* [*j2r-vim*] ‘мозгъ’ (18);

в) раздельно: *ныръ нысы* [*n2r p2s2*] ‘ноздри’ (18), *кетъ урдeсь* [*kçt urdes*] ‘бокъ’ (19), *пыдъ купыры* [*p2d kup2r2*] ‘подколѣнко’, *пыдъ кетъ* [*p2d kçt*] ‘голень’, *кызь пуи* [*k2z' puj*] ‘пузырь (точнее: мочевой пузырь – Л. И.)’ (20).

5. Отсутствие единого орфографирования наблюдается в написании сложных слов, обозначающих названия птиц: лексемы *гурть дыдыкъ* [*gurt d2d2k*] ‘голубь’, *дэюць вордосъ* [*ÿik vordos*] ‘щеглѣнокъ’ имеют раздельное написание, и здесь же *ваіобыжъ* [*vajob2ž*] или *вожопоски* [*vožopos'k2*] ‘ласточка’, *вожджюсю* [*vož ÿuz'u*] ‘чижъ’, *уртъкышь* [*urtk2ç*] ‘непопырь, мышь летучая’, *седькырь* [*s'çdk2r*] ‘дятель чёрный’ (27) написаны слитно.

6. Одинакового написания не прослеживается и в других сложных образованиях: *ужьпунъ* [*ižpun*] ‘дѣло’, *лумшуръ* [*lumšur*] ‘полдни’, *улондунъ* [*ulondun'n'e*] ‘вѣкъ’, *чукпаль* [*çukpal*] ‘востокъ’, *уйпаль* [*ujpal*] ‘западъ (точнее: север – Л. И.)’ (14), *тыль кeли* [*tyl kçl'2*] ‘кремень’, *уръ кыремъ* [*ur k2rem*] ‘ровъ’, *лызьдари* [*l2zdari*] ‘купоросъ’ (21), *седьсуръ* [*s'çdsur*] ‘сивуха, вино’, *мусуръ* [*musur*] ‘медъ’ (24), *чогокый* [*çogok2j*] ‘ужъ’ (26), *лудкець* [*ludkek*] ‘заецъ’, *седьбыжъ* [*s'edb2ž*] ‘горностаи’ (28), *ижгонъ* [*žgon*] ‘шерсть’, *кець така* [*kek taka*] ‘козель’, *аипарсъ* [*aj pars'*] ‘боровъ’ (29), *коргидъ* [*korgid*] ‘конюшня’, *мумыкоръ* [*mut2kor*] ‘матица’, *сараѣазъ* [*sarakiaz'*] ‘крылецъ’ (30), *синьутень* [*s'inut'on*] ‘зеркало’, *нуныкэки* [*nun2kçk2*] ‘колыбель, зыбка’, *пыдъкутъ* [*p2dkut*] ‘пантуфли’, *серегъ пунъ* [*sereg pun*] ‘головня’, *сюсь тыль* [*s'us't2l*] ‘свѣча восковая’, *гурьомырь* [*gur om2r*] ‘чело’ (31) и др.

Как видно из перечисленных примеров, сложные слова в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» не имеют единообразного оформления. Это, как нам кажется, можно объяснить тем, что в то время русская графическая и орфографическая системы, которые были приспособлены к нуждам удмуртского языка стихийно, для орфографирования сложных слов, скорее всего, также не имели унифицированных правил.

В последующих письменных памятниках удмуртского языка, как рукописных, так и печатных (до середины XIX века), орфография слож-

ных слов несколько изменялась, но единого упорядоченного написания в них также не наблюдается. Более того, одно и то же слово в одном и том же памятнике письменности может иметь два (или три) варианта написания, например, в переводах Евангелия 1847 года встречаются следующие примеры: *нълъ-пиосъ* и *нълпиосъ* [n2lpjos] 'дѣти' (Еванг. Глаз. 1847: 28, 38), *ятъ-муртъюосъ* и *ятъ муртъюосъ* [jatmurtjos] 'язычники' (Там же: 47, 49); *Инь-дунье* и *инь дунье* 'царствіе небесное' (Еванг. Сар. 1847: 75, 100). Отсутствие единой системы орфографических правил побуждало, по-видимому, автора/авторов (составителя/составителей) принимать свои «индивидуальные» системы правописания.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что вопросы правописания сложных слов как для удмуртского языка (Соколов 1997: 52–53; Тараканов 1997: 108–117; Герасимова 2002: 177–182), так и других финно-угорских (Зимин 1981: 24–35; Иванов 1994: 170; Андуганов 1986: 66–75), и на сегодняшний день остаются открытыми и весьма актуальными, требующими системного подхода. Даже в настоящее время в удмуртском языке из-за отсутствия единых принципов написания сложных слов возникают всевозможные разногласия. Одни и те же слова на страницах газет и журналов могут иметь или слитное, или раздельное оформление.

Список литературы и источников

1. Алатырев В. И. Когда возникла удмуртская письменность? // Молот. – 1956, № 6. – С. 58–62.
2. Андуганов Ю. В. Синтаксические критерии разграничения сложного слова и словосочетания в марийском языке // Марийская филология: Межвуз. сб. науч. тр. / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 66–75.
3. Бабинцев А. С. Удмуртская орфография: Тезисы (в порядке обсуждения) // К первой удмуртской языковой конференции. – Ижевск, 1937. – 11 с.
4. Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 144с.
5. Герасимова С. В. К проблеме разграничения сложного слова и словосочетания в удмуртском языке // Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. ун-т. – Ижевск, 2002. – С. 177–182.
6. Зимин В. С. К вопросу о соотношении сложных слов и словосочетаний в коми языке // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка): Межвуз. сб. науч. статей / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 1981. – С. 24–35.
7. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студ. пед. ин-тов. – М., Л.: «Просвещение», 1965. – 192 с.

8. Еванг. Глаз. 1847 – Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – 560 с.
9. Еванг. Сар. 1847 – Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003б. (Памятники культуры: Лингвист. наследие 4). – 441с.
10. Иванов И. Г. Проблема обогащения марийского литературного языка на современном этапе // *Volgalaiskielet muutoksessa. Volgalaiskielten symposiumi Turussa I.* – Turku, 1994. – С. 164–180.
11. Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. – Екатеринбург-Ижевск, УрО РАН. – 2010. 236 с.: вкл.
12. Кельмаков В. К. О сложных числительных в современном удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1984. – С. 18–24.
13. Лаврентьев Г. И. Удмурт кызын гожьяськоннын куд-ог ужпумъёс // *Молот.* – 1971. – № 9. – 50–53-тн б.
14. Соколов С. В. Удмурт нимкызьёс: будон сюрестъёссы но амальёссы // *Вордскем кыл* – 1997. – № 4. – 63–68-тн б.
15. Сочинения 1775 – Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вогсаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975].
16. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 811[1] с.
17. Тараканов И. В. Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // *Бюллетень № 1 / Республ. терм.-орфогр. комиссия по удм. языку при Председ. Гос. Сов. Удм. Респ.* – Ижевск, 1998. – С. 108–117.